Затем я услышал звук рога. На вершине холма зажгли сигнальный костер, и только тогда я заметил темнеющее небо. Это был сигнал, в необходимости которого я не был уверен. Это был призыв к окончанию битвы на сегодня и к тому, чтобы армия разошлась и вернулась на холм. Я был по шею во франках, поэтому для меня битва продолжалась еще некоторое время, но я заметил, что наши воины расходятся, чтобы подняться на холм, как раз тогда, когда франки вокруг меня поредели.

Прошел еще час, прежде чем бой прекратился, а звезды и луна над головой давали достаточно света, чтобы я мог видеть поле боя. Франки вернулись в свой лагерь, где находилась деревня, оставив мертвых у подножия холма. Это было зрелище, которое я никогда не забуду.

Груды мертвых в некоторых местах были выше меня. Хуже всего было у подножия холма, но я почти мог отметить свой путь по телам, которые оставались. Я видел на поле как франков, так и норманнов, их кровь впитывалась в грязь. В воздухе висела вонь крови и дерьма, заставляя меня дышать через рот, но я чувствовал ее вкус на языке. Здесь были сотни тел, судя по всему, больше франков, но и трупов норманнов тоже хватало.

Откинув голову назад, я глубоко вдохнул и выпустил глубокий вздох. С больными ногами я начал обратный путь по крутому склону, где меня встретили караульные, следившие за франками. Мужчины ошеломленно смотрели на меня, когда увидели, что я приближаюсь, входя в свет их факелов. Они ничего не сказали мне, а я ничего не сказал им, когда вошел в лагерь.

В воздухе раздавалось множество криков раненых. Я увидел, что некоторые из них лежат на земле, их раны перевязаны уже пропитавшимися кровью кусками ткани. Я начал отворачиваться в поисках ближайшей кровати. Но вместо этого я направился к раненым. Только тогда я понял, что все еще держу в руках саксы, оба из которых были покрыты таким количеством засохшей крови, что мне пришлось счищать их с ладоней.

Я увидел, как женщина-рабыня схватила нож, чтобы вырезать стрелу, торчавшую из плеча мужчины. В моем голосе почти осязаемо звучала усталость:

- Сначала прокипяти его, - сказал я ей, привлекая ее внимание. У нее отпала челюсть, как только она увидела меня - то ли потому, что она знала, кто я такой, то ли из-за крови, возможно, сотен людей, которая залила меня с головы до ног.

- Я... что? - сказала она, когда я схватил котелок и нашел наполненный водой котелок. Я направился к костру, на котором нагревали ножи, чтобы прижигать раны.

- Сначала прокипяти нож. Это поможет избежать болезни, - сказал я, ставя котелок в огонь и давая ему нагреться. Я огляделся и увидел десятки людей. Некоторые из них уже были нежильцами - Первая помощь дала мне представление о том, насколько тяжелыми могут быть раны и как их лечить, - но некоторые были слишком тяжелы, чтобы я мог что-то сделать. Но с другими дело обстояло иначе.

Целительство считалось женской работой. Максимум, чего можно было ожидать от мужчины, - это отрезания конечности или наложения швов. Я был, пожалуй, единственным мужчиной, бегавшим между различными ранеными - все они были женщинами, либо рабынями, либо повитухами. Это было позорно. Я не знал, почему, просто так все обстояло. И даже если это клеймо было обоснованным, мне было все равно, потому что я начал мыть руки, прежде чем снова их окровавить.

Стрела в бедро может обернуться смертельной раной. Я знал, что в бедре есть артерии, которые, если их перерезать, могут убить человека за минуту. Одна из них была перерезана, когда повитуха, вместо того чтобы вырезать стрелу, переместила ее на другую сторону бедра. Вот так я и оказался в положении, в котором мне пришлось завязывать узел вокруг артерии кричащего мужчины, чтобы замедлить кровотечение и спасти ему жизнь и ногу. Взяв раскаленный докрасна нож, я пропорол заднюю поверхность его бедра, чтобы остановить кровотечение.

Затем я прижал кровоточащую артерию, из которой больше не хлестала кровь, и прижег и ее. Когда я развязал узел, рана не стала сразу же снова открываться, и я надеялся, что этого будет достаточно. Отбросив пропитанную кровью бечевку в сторону, я прижал его ногу, облил ее медовухой, отчего он снова закричал, а затем прижег рану.

Вонь горелой плоти стала уже привычной - заметил я, передавая нож рабыне, которая тут же опустила его в котел с кипящей водой. Воин потерял сознание, но был жив. А я двинулся дальше.

Раненых было предостаточно. Отсутствующий глаз был пробит стрелой, и я наложил ему повязку, смазанную медом. Отсутствующая рука, которую прижгли, чтобы предотвратить кровотечение. Рана в кишечнике, которую я вскрыл, вырезал кровоточащие части, а затем наложил швы и смазал их медом.

Я не знал, как объяснить большинство вещей, которые я делал. Большинство людей воспринимали это как признак моего переутомления, но это было потому, что я не мог выразить это словами. Я не знал, почему мед прикладывают к ранам, я просто знал, что это так - и потому, что боги дали мне информацию, и потому, что это сделала Морриган. Я не знал, почему кипячение инструментов снижает вероятность того, что кто-то заболеет, просто знал, что это так. То же самое можно сказать и о многократном мытье рук.

Но спустя несколько часов, чувствуя увереность в том, что спас несколько жизней, я начал пробираться к своей семейной палатке. Я вошел внутрь, все еще покрытый засохшей кровью, но мне было все равно. Правда, Отто, казалось, едва не умер от испуга, когда я распахнул створку палатки и увидел, что отец и Хави тоже находятся внутри, причем последний спит мертвым сном.

Отец посмотрел на меня и негромко рассмеялся: - Хороший был день, - сказал он, когда я, спотыкаясь, добрался до своей постели. - Вся армия говорит о Зигфриде Поцелованном Волком, - сказал он, и это было хорошо. Я был слишком отвлечен, чтобы помнить, получил ли я награду за задание.

- Мы победили? - спросил я, заслужив теплое хихиканье отца, в то время как Отто забился в угол, чтобы казаться маленьким. Это был искренний вопрос. Я совершенно не знал, победили мы или нет. Тот факт, что мы отступили на холм ничего не прояснил.

- Это был хороший день, - повторил отец. - Я не знаю цифр, но франки сегодня сильно пострадали. Их строй был быстро прорван, и они не смогли использовать свою кавалерию. Что означает, что ковалерия все еще свежа, но их пехоте пришлось несладко из-за тебя. Ты разрезал их строй пополам. Одна из сторон была почти окружена, - сказал отец, заставив меня посмотреть на него, когда я рухнул лицом в постель.

http://tl.rulate.ru/book/102321/3659971